

Серия историческая, вып. 17

И.П.Медведев

ФЕНОМЕН ТРАНСУРБАНИЗАЦИИ И ЕГО РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ
ФЕОДАЛЬНОГО ВИЗАНТИЙСКОГО ГОРОДА

Проблема становления феодального византийского города, как и вопрос о генезисе феодальных отношений, является, пожалуй, одной из центральных тем советской византистики¹. Многочисленные исследования ученых - М.В. Левченко, Н.В. Пигулевский, Е.Э. Липшиц, М.Я. Сюзюмова, Г.Л. Курбатова, З.В. Удальцовой, А.П. Каздан и другие - посвящены анализу важнейших особенностей социально-экономических отношений в ранневизантийском городе, соотношению средневекового города Византии с городом античной эпохи и эпохи поздней Римской империи, и тем не менее вопрос о сущности происходивших в "протовизантийском" городе изменений остается одним из самых спорных. Особенно это относится к проблеме континуитета. Если А.П. Каздан и З.В. Удальцова последовательно придерживаются мнения о полной дезурбанизации Византии в период с V по IX в.², если Г.Л. Курбатов считает, что к концу V - началу VI в. исчезает абсолютное большинство античных полисов³, то М.Я. Сюзюмов отстаивает тезис о непосредственной преемственности между византийскими городами и полисами предшествующей исторической эпохи, считая, что последние "в готовом виде" перешли в византийское средневековье⁴. Тезис о непрерывности существования городов в Византии поддерживает и Е.Э. Липшиц, которая, однако, считает, что уже в IV в. складывается город нового феодального типа⁵.

Аналогичное положение наблюдается и в зарубежной историографии. Наиболее последовательно теорию континуитета отстаивают западногерманский историк Ф. Дальгер и югославский ученый Г.А. Острогорский.⁶ Напротив, по мнению Э. Кирстена, античный полис сохранялся в Византии до VI в., но к концу его "античная урбанизация" полностью исчезла; на смену пришел средневековый город - замок⁷.

В чем же причина столь значительных расхождений во мнениях? По-видимому, как в разном подходе к изучению проблемы, так и в явлениях гносеологического порядка, в исключительной бедности источников для периода УП-IX вв., периода, названного историками "темными веками" византийской истории, но являвшегося тем не менее решающим в процессе формирования основных черт византийского феодального города. В этой связи необходимо отметить крупные успехи, достигнутые в последние годы в совершенствовании методов исторического исследования, эффективное использование такой прогрессивной исследовательской техники как фотограмметрия для ведения картографических работ, "для изучения модификаций, которым подвергся исторический пейзаж" ⁸. Не случайно и, разумеется, с полным основанием византинисты также настаивают на *desiderata* исторической географии Византии. "Историческая карта, - говорит Д. Закифинос, - включающая античную, византийскую и современную ономастику, - фундаментальная и неотложнейшая задача" ⁹.

Топографический метод выдвигается на передний план потому, что он позволяет наглядно представить те условия, в которых совершалась трансформация античного города в византийский. По мнению Д. Закифиноса, эта трансформация совершалась в трех формах: 1. Пережиток (*survivance*) античных городов под их античным названием и на их первоначальном месте, с полеодомическими модификациями. 2. Пережиток античных городов под их античным именем, но с более или менее значительным перемещением в пространстве. 3. Пережиток античных городов на их первоначальном месте, но с изменением названия, причем это изменение не оказывается результатом фонетической трансформации ¹⁰. Такое подразделение не бесспорно (можно было бы назвать значительное количество городов, переместившихся в пространстве и утративших свое прежнее название, - явление, нередко вводящее историков в заблуждение, заставляя их подозревать "дезурбанизацию", "аграризацию" и т.п.).

но все же возьмем его за основу. Если внимательнее при-
смотреться к объектам исследований историков-"урбанистов",
то можно обнаружить, что этими объектами, по большей ча-
сти, являются города, которые могли бы подойти к 1 и 3
категориям городов по классификации Закифинуса, т.е. горо-
да, установление местоположения которых и фиксация не вы-
зывают сомнений. Нельзя сказать, что ученые забыли о го-
родах, включенных Закифинисом во вторую категорию (из но-
вейших исследований отметим Р.Кирстена, Д. Закифинуса,
А. Бона, М.Я. Скурямова; особо упомянем Р.Грохону, проводив-
шую важнейшие наблюдения за движением городов в более позд-
нюю эпоху - III-XV вв.; наши работы о Мистре ¹¹). Тем не
менее приходится констатировать недооценку этого инте-
реснейшего, по-видимому, имевшего место в большинстве
стран средневековья, но особенно типичного для Византии
факта бесконечного движения, кочевания городов с одного
места на другое - явления, которое мы, принимая во внима-
ние его массовый характер, назвали бы "феноменом транс-
урбанизации". В настоящей статье мы не собираемся давать
решение проблемы во всей ее полноте, да это и невозможно.
Нам только хотелось бы обратить внимание исследователей
(в теоретическом плане) на некоторые аспекты этой пробле-
мы, имея в виду, что все наши соображения носят сугубо
гипотетический характер: большому синтезу должен предше-
ствовать анализ, который еще предстоит сделать ¹².

Перемещение городов в период с УП по IX вв. было по-
всеместным явлением, затронувшим Малую Азию, континенталь-
ную Грецию, побережье Италии, Далматинское побережье, но,
пожалуй, больше всего демографической мобильностью этого
рода отличался Пелопоннес. Простейший и вместе с тем са-
мый распространенный образец такого перемещения являли
те случаи, когда расположенный на равнине или низких хол-
мах город перемещался на вершину близлежащей горы. Так,
жители покинули старинный город Колоссы, расположенный в
юго-западной Фригии, и переселились в местность, отстоя-
щую от него на расстоянии 4 км (Хоты) ¹³; античный Ко-
ринф, лежащий на побережье, переместился на соседний холм

(Акрокоринф) ¹⁴; новое место избрали себе обитатели античного Эпидамна, основав поселение, из которого затем вырос город Диррахий ¹⁵; переехали на новое место жители Эфеса и Милета; аналогичные примеры являют нам города Гераклея в Киликии, Дамази, Гераклея Трахиния, Ксинии-Езерос, Лариса Кремаста-Гардики, Птелей-Грица, эпирская Финикия - Месопотаме, фтиотийские и беотийские Фивы, Кипариссия-Аркадия ¹⁶. Результатом этого процесса явились почти все упоминаемые Морейской хроникой *Kastra*: Патры, Аргос, Навплия, Монеувасия, Лакедемон, Каламата, Велигости, Никли, Корон, Модон и т.д. ¹⁷, причем, как заметил Э.Кирстен, город нередко возвращался на место древнего доримского, иной раз даже микенского, поселения ¹⁸. Более сложными являются те случаи, когда города перемещались на значительное расстояние: так, жители Эпидавра и Салоны удалились на крутые берега Далмации и основали Рагузу, жители Аквилеи населили лагуны Венеции, античная Мантинея переместилась из восточной Аркадии на лаконское побережье Мессенского залива ¹⁹ и т.д.

В чем же причина этого, по выражению Д.Закифиноса, "бродяжничества" (*vagabondage*) городов? Большинство как старых, так и новейших исследователей (Э.Курциус, Г.Фухер, Э.Кирстен, М.Я.Сюзюмов ²⁰ и др.) склонны объяснять его соображениями безопасности или военными нуждами. По-видимому, военный фактор действительно был одним из определяющих градообразующих факторов. Это доказывается тем, что для поселения выбирались, как правило, высокие и крутые холмы, где можно было воздвигнуть оборонительные стены, и тем, что миграционные волны совпадали с наиболее критическими внешнеполитическими моментами в истории византийского государства. Но сводить все только к этому фактору - значило бы, как нам кажется, обеднить и упростить картину. Чаще всего, по-видимому, движение городов было результатом действия целого комплекса причин. По словам Д.Закифиноса, их можно было бы назвать несколько: перемещение населения города, пришедшего в упадок в результате внутреннего разгития; перемещение населения с

колониционными целями; перемещение города, продиктованное военными или административными нуждами; создание или перенесение резиденции епископа; изменение в направлении торговых морских и сухопутных путей и т.д.²¹ Само такое перемещение происходило отнюдь не только с целью удалиться подальше от моря и морских пиратов в места, может быть, менее удобные для торговцев, но зато гораздо более надежные в час военной опасности".²² В. Грохова, например, утверждает, что перемещение совершалось по крайней мере в трех направлениях: в направлении гор, в направлении моря и в направлении морского пути или важного торгового центра.²³

Спрашивается, что было связано для города с фактом такого перемещения в свете нашей постановки вопроса, то есть с точки зрения становления феодального византийского города? Такой вопрос, в сущности, не ставился ни одним из исследователей. М. Я. Суюмов считает перемещение города вполне естественным и нормальным процессом перенесения центра города в подгородное поселение²⁴ и фактически снимает вопрос о последствиях перемещения. На самом же деле, как нам кажется, можно и rightly сказать, что этот процесс был сопряжен не только с глубокими топографическими и демографическими, но и социально-экономическими изменениями в жизни города. Первое, что сразу же бросается в глаза, это коренные изменения в экологической структуре города, в его функционально дифференцированной территории в пространственном размещении различных социальных групп и классов городского населения. Правда, как это особенно наглядно показала только что появившаяся работа Д. Клауде, нарушения в традиционной структуре позднеантичного города стали совершаться раньше. Происходила застройка площадей и главных улиц громадными по размеру базиликами; появлялись внутренние стены, при помощи которых выделялись и отграничивались наиболее удобные для обороны части города; возникали новые городские кварталы, которые отличались неупорядоченной застройкой; в известной мере подверглась рас-

стройству и сеть прямых, перпендикулярно пересекающихся улиц античного города.²⁵ Но в целом внешний облик города IV-V и даже VI веков сохранял еще прежние античные черты. Сохраняли свое значение улицы с колоннадами и портиками, а также цирки и ипподромы, где происходили спортивные состязания и официальные празднества.

Качественные изменения происходят именно в рассматриваемый нами период V-VI вв., когда в Византии складывается, по существу, типичный для всей ее последующей истории город-крепость, когда этот "новый город" всем своим обликом начинает отражать новое соотношение общественных сил, слоев и классов, новую социально-экономическую структуру города. Для него характерны расположение жилищ на террасах,²⁶ спускающихся концентрическими окружностями или полукругами по склону горы; кривые, узкие и извилистые улочки, часто сохранявшие направление старых горных тропинок; отсутствие театров, ипподромов и даже часто рыночных площадей.²⁷ Несмотря на то, что население происходило, по всей вероятности, стихийно, в нем отчетливо проявлялись тенденции отбора, носившего социальный характер: все большее значение приобретает цитадель города, акрополь, как место концентрации городской феодальной знати, в то время, как основная масса жителей расселялась на нижних склонах холма.

Эта дифференциация, наглядно выражавшая социальную иерархию, подчеркивалась тем, что отдельные районы города были разделены большим количеством стен *diataxiōn*, вписанных одна в другую.²⁸ Наконец, за стенами кастроны селились чужеземные купцы и еврейские колонии²⁹, а также располагались обширные пригороды, роль которых в экономике города была значительной.³⁰

Серьезной проблемой, возникавшей в результате перемещения города, была демографическая проблема. По существу, во вновь образованных поселениях заново формировалось население, и далеко не всегда источником его было только население переместившегося города. Несомненно, в

местах концентрации мигрировавшего населения наблюдался массовый приток самых разнородных элементов, как городских, так и сельских. Возникла проблема адаптации (а если перемещение было значительным по расстоянию, то и автохтонизации) населения в новых природных, демографических, экономических и социальных условиях данного района, интеграции того сложного конгломерата разнородных элементов, из которых складывалось население, в конечном счете - проблема формирования новой городской общности. Отрыв людей от своей прежней среды приводил к тому, что городская общность на новых землях была менее консервативной, чем если бы город оставался на своем прежнем месте. Нарушалась старая, сдерживаемая традицией, система земельных отношений и других отношений собственности, и это создавало предпосылки для более легкого оформления новых, феодальных отношений, реорганизации муниципальных учреждений и т.д., т.е. происходила институционализация тех элементов новой социальной жизни, которые раньше только намечались в виде тенденций.

Еще раз следует подчеркнуть, что все эти соображения носят сугубо гипотетический характер. Тем не менее, как нам кажется, данное явление может рассматриваться как одна из форм складывания социальной структуры средневекового византийского города, а сами "новые города", явившиеся результатом этого процесса, - как особый тип византийского города.

ПРИМЕЧАНИЯ

- I. Сравнительно недавно, например, на Научной сессии "Спорные вопросы истории античного и средневекового города", организованной секцией "Генезис и развитие феодализма" Научного совета "Закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой", были прочитаны доклады Н.В.Пигулевской "Город Ближнего Востока в раннем средневековье" и Г.Л.Курбатова "Ранневизантийский город", вызвавшие оживленные прения. См. "Тезисы докладов" сессии. Ленинград, июнь, 1968 г., стр. 17-34. Следует также отметить коллективный доклад делегации советских учёных на XII Международном конгрессе византистов: Н.В.Пигулевская, Е.Э.Липшиц, М.Я.Связнов, А.П.Каждан. Город и деревня в Византии в IY-XII вв. Belgrade - Ochrid, 1961.
2. См. З.В.Удальцова, А.П.Каждан. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии. "Вопросы истории", 1958, № 10, стр. 79-96; А.П.Каждан. Деревня и город в Византии IX-X вв. Очерки по истории византийского феодализма. М., 1960, стр. 271; его же. Византийские города в VII-XI вв. "Советская археология", XXI, 1954, стр. 187.
3. См. Г.Л.Курбатов. Ранневизантийский город (IY-VI вв.). Автореферат докт. дисс. Л., 1966, стр. 37; его же. Ранневизантийский город. "Тезисы докладов" Научной сессии "Спорные вопросы истории античного и средневекового города", стр. 24.
4. М.Я.Связнов. Роль городов-эмпориев в истории Византии. "Визант. временник" (далее - ВВ), VII, 1956, стр. 26-41; его же. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии. ВВ, XVI, 1960, стр. 4; его же. О роли закономерностей, факторов, тенденций и случайностей при переходе от рабовладельческого строя к феодальному в византийском городе. "Античная древность и средние века" (Уч. зап. Уральского гос. университета, вып. 41). Свердловск, 1965, стр. 8; его же. Византийский город (середина VII - середина IX в.). ВВ, XXII, 1967, стр. 39; его же. Глава "Город", см.: "История Византии", II, М., 1967, стр. 33. Любопытно отметить также, что свое представление о континуитете М.Я.Связнов распространил и на некоторые западноевропейские города (например, города Юж. Италии, средиземноморские города Франции и Юж. Испании), вошедшие, по его мнению, "в готовом виде" в

- средневековья . См. М.Я.Свзюмов. Проблема возникновения средневекового города. "Тезисы докладов" Научно-координационного совещания "Итоги и задачи генезиса феодализма в Западной Европе", М., 30 мая - 3 июня 1966 г., стр.19, тез.3.
5. См. Е.Э.Липшиц. О путях феодальной собственности и феодальной зависимости в балканских и малоазийских провинциях Византии. ВВ, XIII, 1957, стр.30 сл.; см. же. Очерки истории византийского общества и культуры (VIII - первая половина IX в.), М.-Л., 1961, стр.89-90 и сл.
 6. F.Dölger. Die frühbyzantinische und byzantinisch beeinflusste Stadt (V-VIII.Jh.) - "Atti del 3° Congresso internazionale di studi sull'alto medioevo". Spoleto, 1959, p. 65-100; G.Ostrogorsky. Byzantine Cities in the Early Middle Ages, DOP, 13, 1959, p. 45-66. О ранневизантийском городе как преемнике эллинистического см. также работы А.Н.М. Jones. Cities of the Eastern Roman Province. Oxford, 1937; idem. The Greek City from Alexander to Justinian. Oxford, 1940; idem. The Cities of the Roman Empire. Recueils de la Société Jean Bodin, VI. La ville. Bruxelles, 1954.
 7. E.Kirsten. Die byzantinische Stadt. "Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongress". München, 1958, S.14, 20. Ср. P.Tivcev. Sur les cités byzantines aux XI-e - XII-e siècles. Byzantinobulgarica, I, Sofia, 1, 1962, p.149, хотя болгарский учёный допускает, что в отношении некоторых важнейших городов можно говорить о континуитете (ibid.). Интересно отметить наблюдения В. Бешевлиева, который на основе преимущественно письменных источников устанавливает, что античные города между Дунаем и Гемусом (нынешняя северная Болгария) подверглись нашествию "варваров", были разрушены и исчезли, но зато города к югу от Гемуса (нынешняя южная Болгария) почти все сохранились, и здесь можно говорить о настоящем континуитете поздней античности и средневековья. См. V.Besevliev. Les cités antiques en Mésie et en Thrace et leur sort à l'époque du Haut Moyen Age. Et.balkaniques, 5, 1966, p.207-221; Idem. Zur kontinuierität der antiken Städte in Bulgarien, in: Neue Beiträge zur Geschichte der Alten Welt, Bd.II, Berlin, 1965, S.211-221. Ср. также аналогичные выводы В.Велкова : V.Velkov. Das Schickal der antiken Städte in den Ostbalkanländern. Wiss. Zft.d. Humboldt-Universität zu Berlin, Gesell. Sprachw.Reihe, Jahrg.XII, 1963, 7/8, S.839-843; Idem. Zur Geschichte der Stadt Serdica (Sofia) vom IV.-IX. Jhdt., in: "Etudes historiques", III, Sofia, 1966, S.54.
 8. W.Hensel. Méthodes et perspectives de recherches sur les centres ruraux et urbains chez les slaves (VIIe - XIIIe s.). Warszawa, 1962, p.16. Характеризуя новейшие усовершенствования в области воздушной археологии (применение инфракрасных лучей и т.д.), в области химичес-

кого и электромагнетического анализа, В. Гензель сообщает также о проводящихся польскими учеными опытах изучения демографических проблем (в частности, плотности населения) по роду экономики, по типу производственной техники и т.д. (ibid., p. 16-20).

9. См. Diskussionsbeiträge zum XI. Internationalen Byzantinistenkongress, München, 1961, S. 77. Ср. H. Ahrweiler. Les problèmes de la géographie historique byzantine. Proc. XIII-th Internat. Congress Byz. Stud., Oxford, 1967, p. 465-473; A. Bon. Problèmes de toponymie dans le Peloponnese medieval, - "Cahiers d'histoire", Lyon, 1968, t. 13, n° 1, p. 31-40.
10. Diskussionsbeiträge, p. 78.
11. См. E. Kirsten. Die byzantinische Stadt, S. 28 ff.; D. Zakythinos. Le despotat grec de Morée. II, 1953, Athènes, p. 147 sq.; A. Bon. Le Péloponnèse byzantin jusqu'en 1204. Paris, 1951, p. 12 sq.; М. Я. Сюзумов. О роли закономерностей, факторов, тенденций и случайностей при переходе от рабовладельческого строя к феодализму в византийском городе, стр. 8; его же. Византийский город, стр. 43, и прим. 15; его же. История Византии, II, стр. 24-25; V. Hrochova. Byzantská města ve 13-15 století. Příspěvek k vidění topografii středověkého Řecka (=Acta universitatis Carolinae philosophica et historica monographia XX - 1967), Praha, 1967; И. Медведев. К вопросу о возникновении поздневизантийского города Мистры. - "Тезисы докладов" УП Всесоюзной конференции византистов в Тбилиси. Тбилиси, 1965, стр. 25-28; его же. Основание города Мистры. "Античная древность и средние века" (Уч. зап. Уральского гос. университета, № 53; серия ист., вып. № 4), Свердловск, 1966, стр. 57-74; его же. Из истории Мистры, ВВ., XXII, 1967, стр. 131, прим. 10.
12. П. Лемерль, говоря о необходимости такого анализа, видит его в создании ряда монографий (локальных, районных), каждая из которых состояла бы из двух частей: 1. Группировка всех данных фактического характера: сведений о городе, его плане, конструкциях и истории, поставленные археологией - с одной стороны, и даты и события, поставленные письменными источниками - с другой. 2. Переход от этой описательной и нарративной части (причем всегда с осторожностью и строго отделяя достоверное от гипотетического) к интерпретативной части в отношении областей, которые действительно представляют для нас наибольший интерес: экономика, общество, городская цивилизация. См. Diskussionsbeiträge, p. 91.
13. О. Хонах см. W. Ramsay. The historical Geography of Asia Minor. London, 1890, p. 80, 91, 135, 151, 396, 429; E. Kirsten. Die byzantinische Stadt, S. 29; М. Я. Сюзумов, в кн. История Византии, II, стр. 24.

14. A. Bon - R. Carpenter. *Corinth III, 2*. Cambridge Mass. 1936, p. 131 sq.
15. М.Я.Сюзюмов, в: *История Византии*, II, стр. 24.
16. E. Kirsten. *Die byzantinische Stadt*, Anm. II, 70-71, S. 17.
D. Zakythinos. *Le despotat grec de Morée*, p. 152, 154.
О перемещении Эфеса из низины на расположенный к северо-востоку холм Айясолук см. J. Keil. *Die Ausgrabungen in Ephesos. Forsch. u. Fortschr.*, 10, 1934, S. 254 f.;
А.П.Каждан. *Византийские города в VII-XI вв. "Советская археология"*, XXI, 1954, стр. 182-183.
17. *The Chronicle of Morea*, ed. J. Schmitt. London, 1904, s. Index; Cf. K. Andrews. *Castels of Morea*. Princeton, 1953 (*Gennadeion Monographis* 4); E. Kirsten. *Die byzantinische Stadt*, Anm. II, 72, S. 18. То же самое можно сказать и о других *villae novae* в Пелопоннесе. По словам Закифиноса, та сеть городов и других агломераций, которая предстает перед нами во времена так называемого Морейского деспотата, покоится в основном на положении вещей, которое восходит к темному и критическому периоду VII-VIII веков (см. D. Zakythinos. *Le despotat grec de Morée*, p. 147, 154, 157).
18. E. Kirsten. *A.a.O.*, S. 28.
19. E. Curtius. *Peloponnesos, eine historisch-geographische Beschreibung der Halbinsel*. Gotha, 1, 1851, S. 90; G. Fougères. *Mantinée et l'Arkadie orientale*. Paris, 1898, p. 518, 598; N. Valmin. *Etudes topographiques sur la Messénie ancienne*. Lund, 1930, p. 126 sq. Несомненно, что примером такого перемещения города на значительное расстояние было перемещение древнего Никополя на Дунай, см. V. Beşevliev. *Les cités antiques en Mésie et en Thrace et leur sort à l'époque du Haut Moyen Age*, p. 215.
20. E. Curtius. *Peloponnesos*, S. 90; G. Fougères. *Mantinée et l'Arcade orientale*, p. 598; E. Kirsten. *Die byzantinische Stadt*, S. 28; М.Я.Сюзюмов, см: *История Византии*, II, стр. 24-25.
21. D. Zakythinos, in: *Diskussionsbeiträge*, S. 78. Правда, несколько непонятно, что имеет в виду Закифинос, когда наряду с перечисленными факторами он называет "основание культурного центра" (*ibid.*). Насильственное перемещение масс населения из одного района в другой, по словам П. Хараниса, стало практиковаться при Юстиниане, широко применялось при Тиберии, Маврикии, Юстиниане II, но своего кульминационного развития достигло при Константине V и Льве IV. См. *Rapports complémentaires résumés. XII-e Congrès International des études byzantines*. Belgrade-Ochride, 1961, p. 13. О причинах перемещения городов как в раннюю, так и в более поздние эпохи византийской истории говорит и В. Грохова, которая считает, что

неэкономические мотивы (политического или военного характера) играли в этом процессе вторичную роль. См. V.Hrochova. *Byzantska města*, p.98.

22. М.Я.Сюзюмов, в: История Византии, II, стр.25.
23. V.Hrochova. *Byzantska města*, p.98.
24. М.Я.Сюзюмов. О роли закономерностей, стр.8.
25. D.Claude. *Die byzantinische Stadt im 6. Jahrhundert* /-byzantinisches Archiv, 13/, München, 1969, см. ВСЮ первую главу - *Die Topographie*, SS.15-106.
26. Гражданская архитектура этого периода почти не сохранилась. О ней можно составить представление лишь по некоторым остаткам в Акрокоринфе (см. А.Вон - R.Carpenter. *Corinth III*, 2, p.263 sq). Во всяком случае, считает Э. Кирстен, ограниченное пространство кастроны должно было привести к уменьшению древнего типа двора с домом, который сблизился с восточным типом городского здания (см. E.Kirsten. *Die byzantinische Stadt*, S.31). Интересно отметить также приводимые Кирстенем данные о том, что в некоторых областях Византийской империи (в частности, в Каппадокии) в качестве жилья использовались скалистые гроты, т.е. форма поселения, которая со времен античности известна как форма поселения троглодитов (пещерных жителей). См. E.Kirsten, S.31 и Anm.II, 99, S.21. О пещерных жителях Каппадокии и фресках, покрывающих стены этих жилищ, см. также J.de Jerphanion. *Une nouvelle province de l'art byzantin. Les églises rupestres de Cappadoce*. I, Paris, 1925. В.Н.Дазарев. История византийской живописи. I, М., 1947, см. указатель: Каппадокия; N. et M.Thierry. *Nouvelles églises rupestres de Cappadoce*. Paris, 1963.
27. По мнению Кирстена (E.Kirsten. *Die byzantinische Stadt*, p. 31), рыночные площади могли иметь значение только для купцов, занимавшихся дальней торговлей, так как торговля сельскохозяйственными продуктами происходила в самой сельской местности, в деревнях, крупных имениях, местах паломничества и т.д. О ярмарках см. Ph.Kukules. *Βυζαντινὸν βίος καὶ πολιτισμός*, Αθήναι, 1949, σελ. 273 и сл.
28. E.Kirsten. *Die byzantinische Stadt*, S.33.
29. Ibid., S.30; P.Tivcev. *Sur les cités byzantines*, p.157-158; A.Andreades. *Οἱ Ἑσχαῖοι ἐν τῇ βυζαντινῇ Κράτει*. - "Εσχα", I, Αθήναι, 1938, σελ. 612; Joshua Starr. *The Jews in the Byzantine Empire 641-1284*. Athen, 1939.
30. Думается, что пригороды мелких городов нуждаются в исследовании ничуть не меньше, чем пригороды крупных городов, которым посвящена важная работа М.Я.Сюзюмова. - Экономика пригородов византийских крупных городов. ВВ., XI, 1956, стр.55-81.